

Смешной детектив

**Елена
Логунова**

Синдром звездочета

Елена и Ирка

Елена Логунова
Синдром звездочета

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логунова Е. И.

Синдром звездочета / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2024 — (Елена и Ирка)

ISBN 978-5-04-199401-3

Писательница Елена встречается со своей подругой Ирккой в Петербурге в волшебное время белых ночей. Но погулять не получается – Лена устроилась на работу в научный институт, и там ужасно скучно! Однако ей лишь казалось, что это сонное царство. Какой-то девушке стало плохо возле проходной, и Лена не успела помочь, услышала только странные слова: «Всех погубит звезда...» Позже она узнала, что Вера умерла от анафилактического шока – у нее была сильная аллергия на креветки. Но зачем бы та стала их есть, зная о смертельной опасности? А вскоре странным образом умирает один из сотрудников института, как выясняется, бывший жених Веры. Теперь уже Лена с Ирккой никак не могут остаться в стороне от расследования! Бывшая тележурналистка, ныне писательница Лена и ее неунывающая подруга Ирка – героини многих иронических детективов Елены Логуновой. В ее новом остросюжетном романе «Синдром звездочета» они снова берутся за свое! Ведь эти энергичные дамы просто жить не могут без криминальных приключений и отважно встают на защиту справедливости.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199401-3

© Логунова Е. И., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	20
Глава четвертая	25
Глава пятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Ивановна Логунова

Синдром звездочета

Все совпадения с реальными лицами и событиями случайны, вот честное слово!

© Логунова Е.И., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава первая

– Уверена, что тебе это нужно? – в очередной раз остановив машину на светофоре, спросила Ирка.

За перекрестком уже виден был контрольно-пропускной пункт – непритязательного вида будка посреди длинного, до следующего пересечения улиц, пустого прогона. С правой стороны – широкая городская магистраль с оживленным движением, с левой – забор из металлической сетки. За забором – ухоженные зеленые лужайки вокруг комплекса зданий в стиле, который очень дипломатичный архитектор назвал бы эклектичным.

Ирка, не страдающая избыточной вежливостью, сказала иначе:

– Это что еще за помесь свечного заводика с мавританским домовладением?

Я фыркнула: подружкины ассоциации были оправданны. На мысль о свечном заводике наводил главный корпус – протяженное приземистое здание из красного кирпича. А легкий флер знойной экзотики ему придавали арочные проемы и полувнутренний дворик с каскадными лестницами.

– Да ладно тебе, люди максимально благоустроили то, что имели. Не каждому вузу достаются исторические здания благородных пропорций. Между прочим, внутри там все очень удобно, – сказала я примирительно.

– Не понимаю, зачем тебе это нужно, – в десятый, наверное, раз повторила Ирка.

Тут, на мое счастье, обещая скорый конец поднадоевшей дискуссии, зажегся зеленый.

Мою новую работу и саму ее необходимость мы обсуждали уже два дня. Как Ирка приехала в Питер позавчера утром, так и начали! Подруга была категорически против моего трудоустройства, особенно в свете того, что платят литературному редактору университетского издательства мало, а проводить «в присутствии» требуют аж два дня в неделю.

Ирка хотела, чтобы я посвящала свое время родным и близким, то есть мужу, сыну и лучшей подруге, приехавшей с очередным визитом в город на Неве всего-то на пару недель. А я тут, видите ли, решила на работу устроиться! Можно подумать, мне заняться нечем! Или денег на жизнь не хватает!

Я утомилась объяснять, что дело не в деньгах и не в отсутствии занятий: мне просто нужно органично интегрироваться в городскую жизнь, а сделать это, работая исключительно удаленно, не получается.

Да, у меня есть время и возможность гулять по Питеру, ходить в театры и на выставки, заглядывать в гости к единственной родственнице и немногочисленным друзьям, но этого недостаточно. Я долго думала, чего же мне не хватает, и поняла: якорной привязки к городу. А что ею может стать, если не работа, требующая периодического (не постоянного, это было бы уже слишком) присутствия в офисе и регулярного делового общения?

При этом контактировать я желала с людьми приличными, так что учреждение мне требовалось респектабельное. Один из многих в Санкт-Петербурге университетов вполне подошел.

– Тут нельзя стоять, я приторможу на секунду, приготовься десантироваться, – сердито предупредила подруга, проезжая перекресток, и я отказалась от мысли переобуться в машине.

Новые коллеги предупредили меня: строгое руководство категорически не одобряет спортивную обувь, кроссовки и кеды – табу. Сотрудники обязаны являться в классических туфлях, тем самым подавая пример тяготеющим к полномасштабному разгильдяйству студентам.

К дресс-коду мне не привыкать: семь лет жизни я отдала работе в администрации одного славного южного региона, а там начальник службы протокола, пожилой мужчина с армейской службой в анамнезе, каждое утро лично стоял на входе, проверяя соответствие внешнего вида

прибывающих на линию трудового фронта чиновников установленным им строгим нормам. Помнится, тоже под запретом было все спортивное, а еще обтягивающие водолазки, короткие юбки, разрезы и глубокое декольте.

Никакой трудности в том, чтобы соблюдать фрагментарный дресс-код, введенный университетским начальством, я не видела: подумаешь, проблема – переобуться на входе! Единственным неудобством представлялась необходимость таскать с собой сменку.

Начальство-то, наверное, на персональном авто с водителем к парадному подъезду подкатывает, а у меня от дома до новой работы путь не близкий. Двадцать минут бодрым шагом до метро, сорок минут с пересадкой в подземке, четверть часа от станции прибытия до территории вуза, а там еще КПП с турникетом, финишная прямая пешеходной аллеи до входа в здание и подъем на шестой этаж без лифта – утомительный марш-бросок получается! Весь его в туфельках на каблуках дважды в день я не пробегу, не те у меня уже годы.

Да и туфли уже не те, качество нынешней обуви оставляет желать лучшего...

Додумать эту мысль до классического стариковского «вот в наше время были туфли так туфли» я не успела.

– Пошла! – скомандовала Ирка таким тоном, словно послала меня в место, гораздо менее приличное, чем один из Санкт-Петербургских университетов.

Обижаться было некогда. Подруга притиснула машину к тротуару в нарушение правил, нельзя было задерживать ее в этой рискованной позиции, штрафы за нарушение ПДД нынче не просто бьют по карману – вырывают его с мясом.

К тому же до начала моего первого рабочего дня остались считанные минуты, я рисковала опоздать, а за отсутствие пунктуальности – меня и об этом предупредили – университетских тружеников штрафуют. Не такие суммы вычитают, как у водителей-нарушителей, но и зарплаты в универе небольшие...

Вот в наше время были зарплаты...

А впрочем, нет. Чего это я? Никогда зарплаты не соответствовали нашим запросам, вечно они страшно далеки от сумм на ценниках...

Под какофонию обрывочных мыслей я десантировалась из Иркиного пафосного «кружка». Успела помахать подруге ручкой – прощально и с требованием отъезжать уже – и направилась напрямик к КПП. Но не к двери, куда ручейком вливались мои новые коллеги и студенты, а в тихий закуток за углом, чтобы переобуться.

Я же не Золушка, чтобы делать из процесса смены обуви массовое шоу.

До угла было метров пять, но некоторые из нас – не буду бить себя в грудь – умеют найти приключения даже на такой короткой дистанции.

Новое приключение имело невинный вид сигаретного окурка. Гонимый ветром, он подкатился к моим ногам, слабо тлея.

Я подняла его совершенно машинально. У меня богатая трудовая биография (и география), было время – работала рекламным директором отечественного аналога Диснейленда в Сочи. Там-то меня и приучили: видишь мусор на территории – не проходи мимо, подними и отнеси в ближайшую урну.

Я огляделась и урны поблизости не увидела. Зато как раз успела заметить падающую девушку.

На ней было летящее ярко-желтое платье из легкой ткани вроде шифона, и падала она очень красиво: оставаясь на месте, но плавно опускаясь на землю по винтообразной кривой. При этом платье закручивалось, как граммофончик экзотического цветка, я даже залюбовалась видом этой увядающей красоты. Но через пару мгновений, конечно, спохватилась и подскочила к уже полегшей девушке:

– Что с вами? Вам плохо?

Бесспорно, это сущий идиотизм – интересоваться в такой ситуации «Вы в порядке?» или «Вам плохо?». Ясно же, что человек не помедитировать прилег. С другой стороны, а что еще спросить: который час и как пройти в библиотеку?

Девушка, казалось, посмотрела на меня укоризненно. А может, просто страдальчески, потому что ей действительно было нехорошо. И тоже сказала глупость – во всяком случае, нечто неуместное и никак не связанное с моим вопросом:

– Звезда нас всех погубит...

Я бы предпочла услышать конкретную подсказку, которая помогла бы мне определиться с дальнейшими действиями. Например, «Таблетки в сумке», «Воды...» или – в идеале – «Все в порядке, я просто оступилась».

Но девушка ограничилась заявлением о широкомасштабном губительном влиянии какой-то звезды, закрыла глаза и задыхалась тяжело, с хрипами.

Не зная, чем помочь, я метнулась к будке КПП, распахнула дверь, нашла взглядом бдительного охранника за турникетами и гаркнула ему:

– Звоните в «Скорую», у нас студентка умирает!

Я не была уверена, что девушке настолько плохо, – хотелось надеяться на лучшее, – но в подобных ситуациях лучше переоценить опасность, чем недооценить.

То, что девушка учится в университете, я никак не могла знать наверняка, – свой студенческий билет она мне не показывала. Но из того факта, что дымила она за углом нашего КПП, можно было сделать определенный вывод. На территории университета курение не приветствуется, строгое начальство даже на преподавателей с табачной зависимостью смотрит косо.

Но студент в платном вузе – что священная корова в Индии. Уменьшение поголовья никого не обрадует, особенно в самом конце учебного года, когда на освободившееся место уже не найти платежеспособного претендента... Сознавая резоны, охранник выскочил из будки и ринулся за мной.

Хотя, может, он просто очень встревожился состоянием студентки. Я еще не успела с ним познакомиться и узнать, что он за человек. Может, сама доброта и отзывчивость.

Я привела охранника к девушке, которая выглядела пугающе: бледная, хрипящая, с синеватыми губами. Глаза ее были закрыты, на раздражители в виде обращенных к ней вопросов и легких шлепков по щекам она не реагировала.

– Василий, что там? – Из будки выглянула симпатичная дама, которая обычно сидит за прорезанным в стене окошком и записывает посетителей, не имеющих пропусков, в специальный журнал.

– Звоните в «Скорую»! – велел ей Василий, повторив распоряжение, пару минут назад полученное им самим.

Послушался бы сразу умного человека (это меня, если вы не поняли) – неотложка уже ехала бы по вызову!

Я глянула на часы. До рокового мига, с которого моя зарплата, которую я еще даже не начала зарабатывать, делается трагически уязвима для вычета, осталось меньше минуты.

Я посмотрела на девушку – Василий присел рядом с ней и вроде не собирался уходить – и влилась в поток спешащих к турникетам.

– Меня чрезвычайно раздражает, что широчайшее распространение приобрело уклончивое выражение «то, что сейчас происходит», – досадливо сказала моя новая коллега Маргарита. Это тоже литературный редактор, аристократического вида сухощавая дама, похожая на бывшую прима-балерину.

Меня посадили в тот же кабинет, где помещалась она, наши рабочие столы стояли напротив, мы занимались одним и тем же изматывающим и безрадостным делом – редактировали

представленные на научные чтения доклады. Это определенно способствовало сближению и единению.

Уже через час после начала работы я честно призналась, что иметь дело с графоманами, чьи бессмертные произведения мне регулярно присылает на правку один популярный литературный маркетплейс, куда приятнее, чем с уважаемыми представителями академических кругов.

– Академических кругов ада, – с видом мученицы уточнила коллега и пальчиками помассировала виски.

Я хмыкнула, оценив каламбур.

– А почему графоманы лучше? – спросила сидящая с нами третьей верстальщица Элла.

– Они забавные, – охотно объяснила я. – Всегда дадут повод отвлечься и посмеяться.

Некоторые особенно колоритные рукописи – просто неиссякаемый источник веселья. Хотите, зачитаю что-нибудь?

– Да. Пора. – Маргарита посмотрела на тонкое запястье, украшенное изящными часиками, откинулась на спинку кресла и прикрыла веки. – После каждых сорока пяти минут за компьютером рекомендуется делать перерыв на четверть часа, чтобы глаза отдохнули.

– Если после каждых сорока пяти минут делать перерыв на четверть часа, рабочий день будет составлять не восемь часов, а только шесть, и кадры предъявят претензии! – напроорочил кудрявый дизайнер, имя которого я еще не успела запомнить. Он не сидел в нашем кабинете, но периодически заглядывал в него – то за ответом на какой-нибудь рабочий вопрос, то за кофе, то за сахаром к нему.

– Мы не скажем об этом кадрам и выполним свою норму, так что претензий не будет. Читайте, Елена, – разрешила Маргарита.

– Наслаждайтесь. – Я открыла файл с текстом присланной мне на редактуру рукописи и зачитала с листа. – «Внезапно по покоям разнеслась мелодия, больно отдаваясь в хрящиках головы. Стиснув как можно сильнее глаза, Эммануил-Мефодий Пятый напрягся, вспомнил ту, что напевно пела ему эту песню, и его душа расцвела в улыбке практически до ушей...»

– Стоп, стоп, пожалуйста, не так быстро! – взмолилась Маргарита. – Позвольте как следует расцвести в улыбке!

– Говорите, хрящики головы? – задумался кудрявый дизайнер. – А Эммануил у нас, простите, кто? Я почему интересуюсь – когда рыбу ешь, у нее как раз в голове хрящики...

– Поосторожнее, вы оскорбляете корону, уважаемый. – Я погрозила ему пальцем. – Эммануил-Мефодий – король!

– Пятый, – умиленно сказала Элла и подперла подбородок кулачком. – Какая прелесть, а? В одной семье так много Мефодиев... А я уговариваю дочь назвать ее будущего ребенка всего лишь Петром, как прадеда и деда, так она ни в какую – старомодное имя, говорит, над парнем будут смеяться. Илоном, говорит, назовем, как Маска...

– А вот я вам сейчас сцену боя, – пообещала я и пропустила несколько страниц. – «Черный маг гнусаво ухмылился, и сразу стало ясно: тип это скользкий и мерзвявый. Не рискуя вступать в поединок, он приподразбежался и пересиганул на другую крышу.

– Думаешь, я не достану тебя? – Чародейка расправила руки во всю длину. На ее ухоженных пальцах красиво блеснули лакированные миндалины.

Негодяй хохотокнул:

– Куда тебе, северянишка!

Его кривоклювый нос выдавал задиру-южанина...»

– Какая прелесть, – восхитилась Маргарита. – Не скажете название произведения и имя автора? Я бы купила эту книгу и держала под рукой, чтобы в минуты сомнений и тягостных раздумий...

– В книге этого уже не будет, – вздохнула я. – Никто не хохотокнет, не ухмылится, не расправит руки во всю длину... Честное слово, даже жалко пропальывать такой текст, после редактуры он не будет производить столь сильное впечатление.

– Погодите, а чем закончилось-то? – забеспокоился дизайнер. – Тот маг, который принадлежал и перезапрыгнул, так и ушел от чародейки с гландами на руках?

– Во-первых, не принадлежал и перезапрыгнул, а приподразбежался и пересиганул, почувствуйте разницу, – поправила я. – А во-вторых, ушел он не просто так. Вот, слушайте: «Черный маг без всякой мощи облокотился головой на дуб. На затылке у него краснело небольшое внешнечерепное кровотечение...»

– А мощи чьи? – встрепенулась Элла. – Простите, я немного отвлеклась.

Маргарита посмотрела на нее укоризненно:

– Не мощи, а мощь. Я так понимаю, в значении «сила». Видимо, чародейка все-таки приподдотянулась до мага и понадразбила ему череп.

– Точно, – поддакнула я, заглянув в конец романа. – В итоге негодяя приподзаточили в темнице замка славного Эммануила-Мефодия, и – цитирую – «все мысли о побеге вдрызги разбились о стальной ошейник на его левой ноге».

– Да-а-а, – протянул дизайнер и ушел, задумчиво покачивая головой.

– Время, – сказала Маргарита, села ровно и устремила взгляд в монитор.

Я тоже вернулась к работе.

Ровно через сорок пять минут коллега сказала так, будто мы и не прерывали разговор:

– Так вот, меня сильно приподбешивает: все вокруг определяют положение самых разных дел словами «то, что сейчас происходит». Можно же прямо сказать, о чем речь! Но нет! И люди, и поводы для высказываний – самые разные, а выражение одно и то же! «Вы же понимаете, то, что сейчас происходит...» – И многозначительная пауза, выразительный взгляд...

– Это вы о чем – из того, что сейчас происходит? – простодушно спросила верстальщица Элла.

Я поспешила нарушить образовавшуюся многозначительную паузу, которая вполне могла закончиться взрывом багровеющей Маргариты, посоветовав:

– А вы мысленно заменяйте это неопределенное выражение каким-нибудь выразительным емким словом. Да хотя бы и неприличным.

– О? – Маргарита приподняла красивые брови.

– Попробуйте, смелее, – подбодрила ее я. – Ахматова же говорила: для нас, филологов, нет запретных слов.

В коридоре вновь материализовался кудрявый дизайнер. Заинтересованно прислушиваясь к нашему разговору, он застенчиво подсказал подходящее слово.

Маргарита вернула на место брови и проартикулировала – сначала осторожно, потом более уверенно – и с приятным удивлением признала:

– Кажется, помогает!

– А то! Всегда так делаю, – удовлетворенно кивнула я.

– Да? А если то, что происходит, не настолько масштабно, чтобы употреблять это слово?

– Тогда употребляйте другое. – Я предложила вариант помягче.

– А если, наоборот, размах трагедии слишком велик?

Я задумалась. Коллеги ждали ответа.

– Тогда добавляйте к тому слову определение «экзистенциальный», – решила я. – Будет масштабнее некуда.

– Гениально, – прошептала Маргарита. – Большое спасибо вам с Ахматовой. Однажды это может спасти меня от нервного срыва.

– Всегда пожалуйста, – кивнула я и встала из-за стола, чтобы выйти из офиса с затрезвожившим телефоном.

Звонила Ирка, значит, разговор предстоял не деловой, а посвящать новых коллег в свои личные дела я не собиралась. И так уже щедро поделилась с ними самым дорогим, открыв сокровищницу русского графоманского слова.

Я вышла на лестницу, но сообразила, что гулкое эхо в шахте разнесет мой голос по всем этажам, и побежала по ступенькам вниз, бросив в трубку:

– Минутку, я уединюсь.

Подруга терпеливо дождалась окончания долгой барабанной дроби моих шагов, но потом все-таки ворчливо спросила:

– А лифтом ты принципиально не пользуешься? Фигуру бережешь?

– Не сыпь мне соль на все раны разом, – вздохнула я, ныряя в укромную нишу с удобным креслом. – Нет в нашей башне лифта! Нужно ножками, ножками... А поскольку ножками неохота, придется с утра до вечера сидеть на одном месте, что фигуре точно не пойдет на пользу... Зачем звонишь-то?

– Я забыла спросить, как у вас там с кормушками, есть где пообедать? Если нет, я могу тебе что-нибудь доставить, или выскакивай к КПП, я подъеду, сгоняем куда-нибудь.

– Спасибо тебе за заботу, дорогая! – растрогалась я. – Сгонять никуда не успеем, у меня обеденный перерыв всего полчаса, но тут есть столовая и кафетерий, так что от голода не умру.

– А от чего умрешь? – не успокоилась подруга.

– От скуки, – вздохнула я. – Или от переутомления.

– Но-но! Ты держись там! Назвалась груздем, устраивайся в кузове поудобнее! Я ближе к вечеру еще позвоню.

Мы закончили разговор, и я спрятала смартфон в карман, но сначала посмотрела, который час. До обеденного перерыва оставалось всего пятнадцать минут. Я решила, что подниматься в башню нет смысла, и пошла искать, как Ирка выразилась, кормушку.

Это было правильное решение: я успела к раздаче до того, как набежали другие голодные, и раздобыла пропитание без очереди.

Еда мне понравилась, цены – не очень. В мои времена в студенческой столовой можно было поесть за копейки, а теперешний скромный обед обошелся в полтыщи рублей. Дороговато, с учетом невеликой редакторской зарплаты. Придется носить еду с собой в контейнере, как, наверное, делают мои коллеги – никого из них я в красивом кафетерии не увидела.

Обед мой не был плотным и не занял много времени. «Добивая» остаток времени до конца законного перерыва, я прогулялась по первому этажу, изучая обстановку. Утром, боясь опоздать, пролетела сквозь холл, как девочка Элли, подхваченная ураганом, и не успела толком осмотреться.

Иркина утренняя шутка про помесь свечного заводика с мавританским домовладением определенно была оправданна. Изнутри здание тоже выглядело гибридным – отчасти дворец, отчасти выставка достижений народного хозяйства.

Две стены на входе сплошь покрывали плазменные панели, расположенные встык, квадратно-гнездовым способом. На них сменялись красивые картинки – парадные виды Санкт-Петербурга, благостные лица университетских профессоров, открытки с виньетками и текстами поздравлений с личными праздниками и производственными успехами. За видеостенами тянулся гардероб, за ним – кафетерий со стеклянными витринами и кулинарными шедеврами. В холле было шумно, людно, вкусно пахло кофе и выпечкой. Мраморные полы блистали, хрустальные люстры сияли. В огромных зеркалах отражались студенты в джинсах и кроссовках (я им позавидовала). Эклетика!

Геометрия пространства тоже не радовала глаз чистотой линий. В результате объединения изначально разных построек возникли конструктивные дефекты вроде разноуровневого пола и странной формы выступов и ниш, но с помощью зонирования их изобретательно превратили в изюминки помещения.

Глухие аппендиксы стали уютными уголками с книжными полками, журнальными столиками и мягкими креслами. Причем мебель была хорошая, дорогая. Стилистический разнообразий позволял догадаться, что она честно отслужила свое в кабинетах высокого руководства, зато гармонировал с нестандартным помещением.

В целом все прекрасно смотрелось бы в столице Кубани, но выглядело слишком «дорого-богато» (читать с мягким фрикативным «г») для старого доброго Санкт-Петербурга – не хватало благородной скромности.

Впрочем, за нужной мне дверью с табличкой «Извините, прохода нет» картина разительно изменилась. Врала табличка – проход там был, а вот интерьерный дизайн отсутствовал напрочь.

Если бы узкая шахта с лестницей была не квадратной, а круглой, я бы подумала, что оказалась внутри водонапорной башни: скучные крашенные стены, старая советская метлахская плитка на полу...

Из красивого тут неожиданно обнаружился джентльмен в прекрасном летнем костюме цвета мокрого песка. Я ощутила его присутствие раньше, чем увидела: к мажорному запаху свежей сырой штукатурки добавилась яркая нота дорогого мужского парфюма – чего-то такого с тонами ветивера и мускуса.

Я подняла голову и увидела сначала нервно притопывающую стопу в легкой туфле из кожи антилопы, а потом, взойдя чуть выше, обозрела джентльмена в полный рост.

Отчаянно диссоциируя с окружающей обстановкой, он высился на лестничной площадке ремонтируемого третьего этажа: слева заляпанная побелкой стремянка, справа – башня из пластиковых ведер с краской, посередине – красавец.

Я увидела его со спины, но даже с такого ракурса можно было понять, что джентльмен пребывает в тяжких раздумьях. Как былинный богатырь на распутье: налево пойдешь – под стремянку попадешь, направо пойдешь – ведром по голове получишь...

Вариант «прямо пойдешь» исключала наглухо закрытая дверь. Металлическая – такую разве что тараном или мечом-кладенцом одолеешь, а у красавца в руках ничего из богатырского снаряжения не было: в правой – пачка сигарет, в левой – мобильник. Поднимаясь, я услышала обрывок его разговора. Что-то очень личное – то ли «беда моя», то ли «всегда моя»...

При моем появлении джентльмен очнулся, встрепенулся, оглянулся на шаги, посмотрел на меня сквозь очки в тонюсенькой золотой оправе младенчески-мутными голубыми глазами и почти безнадежно спросил:

– А где?

– Курилка? – догадалась я.

Даже сильно урезанный, вопрос выдавал в бедолаге приезжего так явно, словно он произнес классическое, бьющее на жалость «сами мы не местные». От коллег я уже знала: еще год назад на третьем этаже помещалась курилка, куда бегали и штатные сотрудники университета, и прибывающие с деловыми визитами гости.

– Увы, ее больше нет, – сказала я с уместным прискорбием – видно же было, что прекрасный джентльмен расстроен. – Там теперь оборудуют телестудию.

– А куда? – спросил джентльмен и нервно подергал себя за ухоженную – будто только что из барбершопа – бородку.

Я осознала, что мне импонирует лаконичность его реплик. После долгих часов работы с велеречивыми многословными текстами – образцами высокого искусства переливания из пустого в порожнее – такая краткость освежала и бодрила.

– Там, – ответила я в том же стиле, указав вниз. И развила тему: – Под лестницей дверь на задний двор, коллеги-курильщики ходят туда.

– Спасибо! – Немногословный джентльмен резво сбежал по ступеням.

– Но там может быть закрыто! – предупредила я, свесив голову в шахту лестницы.

Поздно. Предательское эхо донесло до меня звуки неравной борьбы с запертой дверью и произнесенное сердитым шепотом нехорошее слово.

– Но не экзистенциальный же, – сказала я справедливости ради.

И пошла дальше – к своему рабочему месту на верхнем этаже башни.

Перевалив за середину, рабочий день с ускорением покатился к завершению, и наконец настал светлый миг, который пророчил поэт, который наше все. Ну, вы помните: «Оковы тяжкие падут, Темницы рухнут – и свобода Вас примет радостно у входа, И братья меч вам отдадут». Меч, спасибо, не надо, а вот нож и вилка были бы в самый раз – я успела проголодаться.

На подходе к КПП обнаружилась небольшая толпа, состоящая, по всей видимости, из преподавателей и сотрудников: молодежь утекала мимо, без задержки просачиваясь за периметр через турникеты.

Я притормозила, соображая, следует ли мне присоединиться к группе товарищей.

Что тут у нас, интересно? Назревает бабий бунт?

А, нет, в первом ряду сияет лысиной дед с портфелем.

Я увидела знакомое лицо – рядом с лысым дедом стояла бойкая дама из кадровой службы, оформлявшая мой прием на работу.

– Привет! – Она махнула рукой, подзывая меня. – Как работается? Какие первые впечатления?

Я не стала признаваться, что самое сильное впечатление в первый день на меня произвел здоровенный лом, с непонятым намеком оставленный кем-то на площадке между этажами. Хороший, крепкий, только немного погнутый. Видимо, честно кому-то послуживший. Было очень неожиданно увидеть его в изысканных интерьерах университета, где даже в туалете картины маслом, белые диваны и хрустальные люстры. Угадывалась в этом ломе какая-то сермяжная правда... Невербальный призыв: размахнись, рука, раззудись, плечо!

Я не успела поделиться впечатлениями.

– Все, можно! – сказал лысый, и толпа с радостным гомоном устремила к КПП.

Только теперь до меня дошло: граждане трудящиеся ждали окончания рабочего дня, чтобы не пройти через турникеты раньше, чем положено. Наверное, за досрочный уход с работы тут тоже штрафуют.

Мысленно я сделала себе пометочку: прояснить этот вопрос. А то чуть не вылетела на волю с опережением графика, не зная, что это наказуемо!

Пройдя через турникет, я мимоходом глянула за угол КПП и очерченного белым мелом силуэта на асфальте не увидела. Это меня успокоило.

Как позже выяснилось – напрасно.

Глава вторая

– Зачем мы здесь? – Я без обычного удовольствия оглядела высокие и пышные кусты цветущей сирени.

В классическом старом парке с лодочками на прудах и статуями на тенистых аллеях было бы очень приятно погулять в выходной, но не в суровый трудовой будень. После первого рабочего дня мне хотелось поскорей вернуться домой, а пришлось ехать на метро с пересадкой в противоположную сторону. Ирка назначила мне встречу в Парке Победы таким тоном, каким только ультиматумы ставят. Пришлось подчиниться.

– Терпение. – Подруга, не вставая со скамейки, притянула к себе ветку сирени и с наслаждением ее понюхала – аж куст затрясся. – М-м-м-м... Подожди еще немного – будет сюрприз.

Внезапно за кустами зазвучало монотонное пение, заиграла дудочка, и по аллее, без особого энтузиазма славя Кришну, поплыли девы в летящих нарядах. Незатейливый, но хорошо синхронизированный танец в стиле «Кобра, покачивающаяся на хвосте» завораживал, заунывное пение гипнотизировало.

Мы с Иркой застыли, изумленно таращась.

Тут же к нам подскочила дама со стопкой книжек из серии «Жизнь замечательных богов» и зашла издалека:

– О, я вижу, вы погрузились в глубокую медитацию...

– Да что там, скажем прямо: офигели! – очень искренне сказала Ирка.

По чеканной формулировке дама сразу поняла, что мы не ее целевая аудитория, и отошла.

Я проводила ее задумчивым взглядом. И дама-просветительница, и пляшущие девы были в шафрановых сари. Я вспомнила утреннюю девушку в желтом платье.

– Это не тот сюрприз, – поспешила сказать подруга, по моему лицу поняв, что я чем-то недовольна. – Что мы, кришнаитов не видели? В наших южных краях их поболее, чем в Питере.

– Да боги с ними, – отмахнулась я. – Мне девы в желтом напомнили...

– А вот и я! – радостно возвестил знакомый голос.

Я подняла голову и удивленно заморгала.

– Сюрприз-и-из! – забила в ладоши довольная Ирка.

– Можно просто Вадик, – пошутил Архипов и повертелся из стороны в сторону, демонстрируя невозможной красоты белый льняной костюм. – Как вам моя обновка?

– Только приехал и уже успел отовариться в Пассаже? – Ирка присвистнула. – Это же итальянский бутик, ценник у них...

– А ты разбираешься в дизайнерской одежде. – Польщенный фронт щелчком сбил с рукава невидимую пушинку.

– Ты просто бирку не срезал, она так и болтается сбоку, – просветила его безжалостно честная подруга и рывком выдернула означенную бирку из-под борта щегольского пиджака. – Вот так лучше.

– Грацие. – Любитель итальянских шмоток слегка смутился, но тут же оживленно завертел головой. – Куда пойдем, что тут есть интересного?

Я поняла, что это вопрос ко мне: из нас троих только я в северной столице не гощу, а живу. Я собралась, сориентировалась и махнула рукой в тенистую даль:

– Вон в той стороне мультимедийный парк «Россия – моя история», там все такое познавательное и духоподъемное...

– Это, конечно, очень интересно... – Архипов скис.

– Или можем пойти в легендарную «Пирожковую на Московском», она тут совсем рядом, – со смехом закончила я.

– Второй вариант! – за всех решила Ирка и подскочила со скамейки. – Веди нас! И рассказывай, что за пирожковая, почему я о ней в первый раз слышу?

– Я там тоже побывала совсем недавно, – призналась я.

Многие жители и гости Санкт-Петербурга знают пышечную на Большой Конюшенной, но не всем известен другой гастрономический аттракцион в духе «Назад в СССР» – «Пирожковая на Московском».

– Там все по классике, – рассказывала я друзьям, пока мы бодро шагали к этой достопримечательности. – Кофе с молоком из бака и вкуснейшие недорогие пирожки. Персонал, как положено, тетушки формата фрекен Бок, – пышные, все в белом и со строгими лицами. Интерьер в стиле совкового минимализма, зал маленький, но это компенсирует прекрасный анахронизм – совершенно европейский уютный летник. А пирожков в меню я насчитала двадцать восемь видов!

– Неплохо, – кивнул Архипов.

Ирка наморщила лоб и начала загибать пальцы, явно прикидывая, известно ли ей столько начинок. Судя по тому, что ее лоб не разгладился, пока она не увидела меню, подруга таки узнала что-то новое.

– Вот только чашки, в которые кофе наливают, неправильные – мелкие, тут нужен гра-
ненный стакан, – нашел-таки недостаток Архипов, получив заказ.

Он жутко дотошный и въедливый, наш приятель Вадик. Качества, нам с Ирккой не присущие – нас с подругой отличает широта души, а меня еще и некоторое разгильдяйство: упорядоченность мне претит, я предпочитаю творческий хаос. Ирка, правда, дама хозяйственная, но при этом не мелочная, а вот Архипов – крохобор, каких мало.

– А вот интересно было бы узнать рецепт их пирожков с яйцом и луком, – сказал этот зануда, продегустировав первый образец из представленных нам заведением (а представило оно целую гору пирожков за символическую плату менее тысячи рублей). – Сдается мне, в начинке еще какой-то не обозначенный ингредиент присутствует, но я не могу понять, что это такое. Несладкое тертое яблочко? Или, может, кислая слива?

– Если ты хочешь поинтуичить, я пришлю тебе ГОСТы на оформление библиографических списков и ссылок, – предложила я, не успев вытряхнуть из головы мысли о новой работе. – Вот это, скажу я вам, головоломка, перед которой дедукция пасует. Сам Шерлок Холмс в попытке правильно оформить комплексную ссылку убился бы собственной скрипкой!

Ирка выразительно посмотрела на меня. Я затруднилась определить, чего в ее взгляде больше – сочувствия или торжества.

– А я говорила тебе – не устраивайся на эту работу! – все-таки не выдержала она и погрозила мне надкушенным пирожком. – Предупреждала, а ты не слушала!

– Что это за работа с головоломками? – заинтересовался Архипов. – Шифровальщицей в агентурной разведке?

– Почти. Литературным редактором в университетском издательстве.

– Хороший хоть университет?

– Как университет может быть плохим? Это же не ПТУ. – Я увидела в глазах друга сомнение и попыталась его истребить. – Видел бы ты, какая там научная библиотека! Огромное, прекрасно оснащенное помещение с верхним светом, как в художественной мастерской!

– С антуражем все понятно, – перебила подруга. Она явно загодя настроилась против пресловутого университета и гнев на милость менять не желала. – А как коллектив?

– Дамы очень милые.

– Там только дамы, мужчин нет? – Ирка скривилась.

– Да какие мужчины. – Тут я тоже поморщилась. – Один промежуточный начальник – так называемый старший редактор...

– Небось, неказистый и плюгавенький? – правильно поняла мою гримаску подруга. – Ты с ним поосторожнее. Плюгавенькие обычно с амбициями и склонностью доминировать. Взять хотя бы Наполеона...

Я засмеялась:

– Да брось, тут не тот масштаб – микроскопический...

– Ладно, тогда будем звать этого плюгавенького «микробосс». – Подруга тоже хохотнула. – Но все равно поосторожнее с ним. Не проявишь уважения, а еще лучше подбострастия – будет тебе пакостить. А ты же не проявишь, я тебя знаю... Первый день прошел благополучно, надеюсь?

Я вздохнула, но не стала рассказывать, как отчаянно скучно и утомительно провела свой первый рабочий день, чтобы Ирка не надела на меня с требованием сей же час уволиться.

Тем не менее подруга все-таки открыла рот, явно намереваясь начать агитацию. Надо было срочно сменить тему, и я ляпнула первое, что пришло в голову, – вернее, то, что из нее никак не выходило:

– А утром у входа на территорию нашего вуза рухнула как подкошенная какая-то девушка. Буквально под ноги мне свалилась! Пришлось «Скорую» вызывать.

– Успела? – Обеспокоенная Ирка со стуком поставила на стол неправильную чашку.

– Кто, я? В смысле, на работу? Едва не опоздала...

– Нет! «Скорая» к ней успела? К той девушке? Что с ней было-то? – Подруга – большая любительница киношных драм – жаждала подробностей.

– А я знаю? – Я пожала плечами, но Ирка неотступно ела меня глазами, пришлось поскрести по сусекам памяти и хоть что-то уточнить: – Но последними ее словами были знаете какие?

Я посмотрела на подругу, на Архипова. Вадик невозмутимо ел пирожок, а Ирка забыла, как дышать:

– Какие?!

– Она сказала: «Звезда нас всех погубит!» – зловеще прошептала я и поиграла бровями. – А потом обессиленно смежила веки – и все.

– Что – все? Умерла? – Даже Архипова проняло: он перестал жевать.

– Нет, все, значит, больше она ничего не сказала. – Я взяла с большого блюда закрытый пирожок, надломил, понюхала.

С рыбой, что ли? Не рискну попробовать.

Я вернула на блюдо пирожок с сюрпризной начинкой и взяла открытую, понятную и простую, как пять копеек (по прайсу – сорок три рубля), плюшку с творогом.

– Какая звезда? – Архипов доел свой пирожок и взял забракованный мной. – О, с селедкой и капустой – экзотика!

– Звезда эстрады, – предположила Ирка. – Сейчас такие певцы пошли, каждый второй – гибрид глухонемого Герасима и скулящей Му-му. В три аккорда не попадают, гундосят, ноют, будто у них зубы болят.

– И как такая звезда нас всех погубит? – не поняла я.

– Мы застрелимся, чтобы только ее не слышать, – жизнерадостно предположил Архипов и вкусно чавкнул.

– Или ее ужасное творчество насмерть убьет наше чувство прекрасного, – кивнула я.

– Вот вы смеетесь, а это может быть очень серьезно, – холодно молвила Ирка. – Вдруг это было пророчество? Мы совершенно ничего не знаем об этой девушке. Может, она ясновидящая. И не просто так свалилась, а впала в транс!

– Как древнегреческая пифия, – легкомысленно подсказал Архипов. Он еще не понял, что Ирка настроена серьезно. – Та, как известно, прорицала, сидя на треножнике в клубах дурманящего пара, выходившего из небольшой расселины прямо под ее рабочим местом.

– Кстати, да, девчонка курила, – припомнила я.

– Что она курила? – тут же уточнила подруга.

– Какие-то сигареты, я в них не разбираюсь. Окурок подкатился прямо мне под ноги...

Тут я сообразила: не помню, что выбросила подобранный с земли окурок в урну. Как подняла его – помню, а как утилизировала – нет!

Да и не было на моем пути от КПП до центрального входа ни одной урны...

Так куда же я дела окурок?

Я посмотрела на соседний стул. Всего у нашего стола их было четыре: по одному заняли Ирка, Игорь и я сама, на оставшийся свободным я свалила свою ношу, которая только в пословице не тянет, а в реале руки отрывает. Портфель с макбуком и матерчатая сумка со сменкой...

Я потянулась, открыла сумку и всмотрелась в ее темные глубины.

Доживу ли я до того поистине светлого дня, когда какой-нибудь гений изобретет женскую сумку со встроенным освещением?

Пришлось сунуть руку внутрь и поворожить уютно лежащие туфли.

– Ну так и есть! – Я с досадливым возгласом извлекла из сумки чужой окурок. – В отсутствие урны я бросила его сюда. Швырнуть на асфальт не позволило воспитание...

– Как хорошо, что ты у нас такая культурная! – Обрадованная Ирка бесцеремонно забрала у меня окурок. – Так, посмотрим...

Она посмотрела, понюхала, только что на зуб не попробовала. И заключила:

– Пахнет странно.

– Может, там не табачок? – Архипов с намеком подмигнул.

– Надо выяснить. – Ирка достала из своей собственной сумки блокнот, с треском вырвала из него лист, завернула в него окурок и получившийся бумажный фунтик спрятала в маленькую сумочку на поясе.

– Зачем нам это выяснять? – озадачилась я.

– Сейчас незачем, – согласилась подруга. – Но если окажется, что та девушка умерла, будем разбираться.

– Зачем?! – Архипов тоже не понял.

– Следите за логикой, Ватсоны. – Ирка глянула на нас высокомерно. – Она сказала, что звезда нас всех погубит, так? Акцентирую: нас всех! Значит, если эта девушка уже умерла – погубленная! – есть риск, что на очереди все остальные люди мира. Мы с вами в том числе!

– Мощно, – уважительно прошептал Архипов и осмотрительно удержался от возражений.

– То есть на этот раз мы будем спасать весь мир. – Я постаралась, чтобы это прозвучало с долей энтузиазма.

Спорить с Иркой, если она что-то вбила себе в голову, бесполезно. В таких случаях я руководствуюсь проверенным правилом: если не можешь отменить – возглавь!

– Я знал, что скучно не будет, но, кажется, недооценил масштаб предстоящего веселья, – пробормотал Архипов и перевесил на спинку стула новый белый пиджак.

В прошлый раз, когда мы вместе веселились в Питере и его окрестностях, все лишились верхней одежды – она непоправимо испортилась во время суматошного исхода из горящего дома и последующей прогулки под дождем по болоту¹.

– Впредь одевайся попроще. – Ирка не затруднилась расшифровать манипуляции Вадика с новым пиджаком. – А сегодня можешь еще покрасоваться. Не будем начинать расследование, пока Ленка не узнает, как там наша пифия. Может, девчонка просто в обморок упала, от жары, например. У местных оригинальное представление об экстремально высоких температурах, они в плюс двадцать два облачаются в шорты и панамки. В панамки, боженки мои! – Она изумленно округлила глаза. – Боятся, что им голову напечет!

– Не все мы, петербуржцы, такие, – с достоинством возразила я.

---

¹ Читайте об этом в романе Елены Логуновой «Не плачь, Рапунцель!».

– Ты в Питере всего полгода живешь, не прикидывайся аборигеном, – отбрила подруга.
– А вот кому вкусный пирожок с курагой? – пресек назревающую ссору мудрый Архипов. – И давайте обсудим, что будем делать завтра. Я знаю сайт, где можно купить билеты в Мариинку со скидкой...

– Не хочу в Мариинку, – закапризничала Ирка. – Я там была уже, и мне не понравилось. Театр должен начинаться с вешалки, то есть с порога должно быть красиво и торжественно! А в этой вашей хваленной Мариинке холл похож на тесную конюшню, все входы-выходы перегородены, лестницы темные, коридоры узкие. Буфет я искала почти до конца антракта, потом пришлось давиться пирожными в спешке!

– Может, это потому, что кто-то взял слишком много пирожных? – от лица всех питерцев, хотя мне и запретили к ним примазываться, вступилась я за нашу Мариинку.

– Всего-то три эклерчика!

– Не важно, все равно я завтра не с вами: мне опять на работу.

– Ты говорила, что у тебя будет только два присутственных дня – понедельник и четверг! – грозно нахмурилась подруга, обманутая в своих ожиданиях.

– Будет, но со следующей недели, – кивнула я. – На этой меня попросили присутствовать четыре дня подряд, чтобы я вошла в курс дела.

– Ладно, тогда завтра мы как-нибудь сами, – вмешался Архипов и продолжил, обращаясь к Ирке: – Как насчет того, чтобы съездить в Павловский парк? Билет стоит сто пятьдесят рублей, но если явиться до девяти утра, вход бесплатный!

– Да ладно?! – обрадовалась подруга. – Конечно, едем!

Я слушала, как эти любители экскурсий и экономии строят планы на завтра, договариваясь, во сколько они встретятся и на чем отправятся в путь, и грустила.

Угораздило же меня устроиться на работу! В самом деле, зачем она мне нужна?

Но увольняться после первого же дня было бы глупо, и я настроилась потерпеть.

Глава третья

На сей раз в шахте лестничной клетки пахло не мужским парфюмом с нотками ветивера, а крепким потом.

Я шагнула к перилам, посмотрела вверх, снова отодвинулась к стене и замедлила шаг. Пространство ароматизировал мой коллега – тот самый, которого Ирка успела окрестить Микробоссом.

Настигать его и изображать радость встречи, а заодно лишний раз обонять мне не хотелось.

Мы с Микробоссом уже успели повздорить. На ровном месте, как говорится.

Я отказалась дать ему номер своего мобильного и принимать задания по телефону, потребовав отправлять их по электронной почте. Микробосса это привело в состояние, близкое к истерике. Почему – я не поняла. За годы на госслужбе привыкла, что электронная почта – лучшее средство деловой коммуникации, тогда как телефонные звонки в этом качестве совершенно неприемлемы.

Мой начальник в Департаменте внешнеэкономической деятельности, очень умный человек и профессиональный дипломат, первым делом велел мне как «Отче наш» затвердить две фразы: «Все деловые коммуникации должны оставлять документальный след» и «Мой непосредственный руководитель мне такого поручения не давал». Сказал, что знание этих мантр поможет мне уберечься от проблем в бюрократической структуре – и оказался совершенно прав.

У Микробосса явно не было такого жизненного опыта, как у меня, зато, похоже, в избытке имелись обидчивость и злопамятность. Он моментально пожаловался на меня нашему общему руководителю, и мне пришлось оправдываться.

Ирке я об этом говорить не стала: она бы потребовала, чтобы я прямо сейчас написала заявление на увольнение по собственному желанию. Еще и достала бы из своей сумки-самобранки чистый лист бумаги, стило и бестрепетно водила бы моей рукой, выписывая буквы.

Дождавшись, пока Микробосс взойдет на шестой этаж и шлейф его специфического аромата слегка развеется, я тоже поднялась и заняла свое рабочее место. Потянулся очередной томительный день, наполненный рутинной работой со скучными докладами.

Спрашивается, и чего мне не сиделось с моими славными графоманами – людьми бесспорно творческими?

Пока я тихо костерила себя и косноязычных докладчиков, запел мой телефон.

– Слушаю! – радуясь возможности отвлечься, охотно откликнулась я.

– Елена Ивановна?

Моя радость увяла. С официального «Елена Ивановна» обычно начинают разговор телефонные жулики разных мастей.

– Слушаю вас, – повторила я уже довольно злобно.

– Это сотрудник службы безопасности с КПП, Василий меня зовут, – сказал мужской голос в трубке. – Вы не могли бы выйти к турникету? К вам тут пришли...

– Уже бегу! – пообещала я, вновь воспрянув духом.

Даже не спросила, кто ко мне пришел. Подумала, что это заботливая подруга все-таки привезла обед, хотя я и просила ее этого не делать.

Но это оказалась не Ирка. В тесном помещении КПП дожидалась незнакомая девушка.

– Это вы Елена Ивановна? – Она подалась к турникету.

– Можно просто Елена, – отозвалась я машинально. – А вы кто?

– Я Юлия. – Девушка покосилась на охранника. – Мы можем поговорить наедине?

Я тоже глянула на Василия – он отвернулся, делая вид, будто не обращает на нас внимания. Поколебавшись пару секунд, я приложила свой бейдж-пропуск к считывающему устройству. Оно разрешающе мигнуло зеленым, и я прошла за турникет, на ходу предупредив не то охранника, не то незнакомку, не то их обоих:

– На пару минут, не больше.

Василий промолчал, а девушка пообещала:

– Я вас надолго не задержу.

Мы вышли на улицу, отодвинулись от КПП на пару метров и встали под забором, чтобы не мешать пешеходам.

– Слушаю вас, – сказала я.

– Охранник сказал, это вы вчера позвали его к упавшей девушке?

– Он меня запомнил? – удивилась я.

Профессионал, однако. Выхватить кого-то в толпе, которая штурмует турникеты по утру, да еще успеть имя на бейдже прочитать...

Или это я такая забываемая?

– Я попросила, и он в своей программе посмотрел, кто проходил в это время. Узнал вас по фото в базе пропусков, – быстро объяснила моя собеседница.

Я не стала уточнять, чем объясняется отзывчивость охранника. Меня заинтересовало другое:

– А в чем дело? Почему вы интересуетесь той девушкой?

– Она моя подруга, – сказала собеседница и нервно провела ладонью по гладким черным волосам. – Мне вчера позвонили из больницы...

– Как она там? – не дослушала я.

– Никак. Она умерла. – Чуть раскосые глаза закрылись, снова открылись, в уголках блеснули слезинки.

– Ох... – Я расстроилась, и даже не сообразила выразить соболезнования. – Сердце, да?

Или инсульт?

– Не сердце и не инсульт. У Верочки была аллергия.

– Вот такая, прям смертельная? – не поверила я.

– Представьте себе. Ей к морепродуктам на милю приближаться нельзя было.

– Не знала, что такое бывает... Но... простите, не запомнила ваше имя?

– Я Юля.

– Юля, а я-то тут при чем?

Девушка посмотрела на меня в упор, сжала челюсти и сделалась похожа на монголо-татарского воина. На Чингисхана, готового к завоеваниям.

– Где, по-вашему, в девять утра она могла угоститься морепродуктами?!

– О...

Я глянула в одну сторону, в другую. До конца улицы не было не только заведений общепита – вообще ничего, кроме забора с одной стороны и многорядной дороги с другой. И все же я сказала:

– В пяти минутах отсюда большой торговый центр...

– И фудкорт там начинает работу в десять, – перебила меня Юля. – А ресторан японской кухни и вовсе в двенадцать.

– А супермаркет открывается в восемь, там есть готовые блюда, наверное, и рыба тоже...

– Пфф, жареная путассу? – Девушка фыркнула и непримиримо тряхнула смоляными волосами. – Для Верочки по-настоящему опасны были креветки, но их она избегала как огня.

– Что вы хотите сказать?

– Причина смерти какая-то другая! А в больнице, разумеется, не стали разбираться. Написали – анафилактический шок, ведь у Верочки в карточке указано, что она аллергик. – Девушка притопнула ногой, отвернулась и коротко взмахнула рукой – кажется, стерла слезу.

– А от меня-то вы чего хотите? – спросила я с тоской, прекрасно понимая, что Ирка теперь от меня не отстанет – потребует расследования.

– Может, вы что-то видели? Или слышали? Что случилось с Верой перед смертью? К ней кто-нибудь подходил, она с кем-то общалась?

– Да я заметила ее, только когда она упала, – призналась я и посмотрела на часы. – Простите, не могу отсутствовать на рабочем месте дольше пятнадцати минут, мне срочно нужно возвращаться.

– Но...

Девушке-Чингисхану хотелось меня задержать, но аргументов она не нашла.

Я уже поднималась по лестнице в свою башню, когда смартфон в кармане дернулся, простреленный эсэмэской: «Позвоните, если что-то вспомните. Это Юля» – и номер телефона.

– И в самом деле, поразительно отзывчивый человек – охранник Василий, – пробормотала я, понимая, кто дал девушке-Чингисхану мой номер, имеющийся в базе.

Остаток дня я не скучала: пока правила доклады и лекции, усиленно размышляла, рассказывать ли Ирке о смерти Верочки. И если рассказывать, то что именно.

Может, ограничиться сообщением официального заключения – смерть от анафилактического шока?

Принять волевое решение я так и не смогла. Подумала, что заводить разговор о судьбе бедной Верочки не буду, но и не стану отмалчиваться, если Ирка сама об этом вспомнит.

Она, разумеется, вспомнила, хоть и не сразу.

Поначалу подруга пожелала выяснить, почему я невесела. Пришлось перевести стрелки на Микробосса с его придирками.

– А что он? А ты? А он тогда что? А ты что? – Ирка жаждала подробностей.

Пришлось перечислить поводы, по которым ко мне цеплялся Микробосс.

Мы сидели в том самом японском ресторане в торговом центре по соседству с моей работой. Архипов, явившийся вместе с Иркой, в суть моих обид не вникал. Он уткнулся в смартфон и серфил в Интернете. Я думала, что ему скучны мои жалобы, но ошиблась. Неожиданно Вадик сунулся к нам, прервав меня на полуслове:

– Смотрите! Я пробил его в сети. Твой Микробосс – автор самописной книжечки, называется не то «Полные штаны ежей», не то «Полная пазуха ужей»...

– Садомазо, что ли? – заинтересовалась Ирка.

– Нет, сказка. Я глянул – очень так себе. И, конечно, никто ее не печатает, один путь у чувака – самиздат. А тут ты, признанный автор сотни книг, изданных на пяти языках. Конечно, он обзавидовался! И захотел поставить тебя на место, желательно пониже, раз уж ему посчастливилось оказаться твоим начальником.

– У меня на иностранных языках только детские книжки выходили, – зачем-то напомнила я.

– Так и у него детская! А ее и на русском никто не печатает! – воскликнула Ирка.

– Короче, классическая история Моцарта и Сальери, – подвел итог Архипов и приобнял нас с подругой за плечи.

– Но-но! – Ирка вывернулась и погрозила ему пальцем. – Моцарт умер, а Ленка жива!

– Да и не Моцарт я, не то дарование, – справедливо заметила я.

– Ну, значит, это лайт-версия классической истории, где Моцарт пожиже, а Сальери совсем никудышный. Все остаются в живых, но суть конфликта и назидание потомкам все те же самые, – заключил Архипов.

А Ирка в связи с упоминанием Моцарта, который умер, точнее даже, был убит, конечно же, вспомнила то, о чем я бы предпочла забыть:

– Кстати! А как там наша упавшая девушка?

Мне захотелось застонать, но я, разумеется, сдержалась и честно сказала:

– К несчастью, она умерла.

– Что-о-о-о?! Ка-а-ак?!

Две пары огромных, как у персонажей японских мультиков, глаз уставились на меня в упор.

Я поежилась. Юля Чингисхан – и та смотрела на меня не так сурово!

– У нее была какая-то жуткая аллергия. Анафилактический шок, – сдержанно объяснила я, еще надеясь этим ограничиться.

Как же!

– Анафилактический шок развивается очень быстро, за считанные минуты, – сказал Архипов, моментально нырнув в поисковик. – Тут что-то не сходится. Ты говорила: она курила, потом упала. С шоком сразу бы упала, не успев закурить после еды.

– Да и есть там негде, – добавила Ирка. – А на что аллергия?

– На морепродукты, особенно креветки.

– Не вариант. Если бы еще на какую-то растительность, можно было бы предположить, что под забором аллергенная гадость выросла. Но морские креветки из травы на нее точно не выпрыгивали, – рассудила подруга и спохватилась: – Минуточку, а откуда ты знаешь про ее аллергию на креветки?

Я выдала еще порцию информации:

– Ко мне сегодня приходила подруга этой девушки, ей позвонили из больницы, когда та умерла.

– А зачем она к тебе приходила? – задал очень правильный вопрос Архипов.

Я поняла, что придется выложить все. Эх... Прости-прощай, спокойная жизнь со скучными докладами и незатейливыми офисными интригами!

– Юля – так зовут подругу – не верит, что Верочка – это погибшая – умерла от анафилактического шока, хотя врачебное заключение именно такое. Кажется, она думает, что бедняжку убили. Спрашивала, не видела ли я кого-нибудь с ней рядом.

– А ты спросила ее про звезду? Может, она знает, кого или что имела в виду бедняжка Верочка?

– Я вообще забыла про звезду, – призналась я. – Надо было ей сказать...

– Не надо, – возразила подруга. – Я же правильно понимаю, что Юля пытается узнать причину смерти Веры? Не будем ей мешать. Пусть разрабатывает свою версию – с каким-то злодеем, а мы – свою: со звездой.

– Может, надо объединиться? Как в прошлый раз. – Архипов приосанился. – Хорошо же вышло.

– В прошлый раз мы объединились с тобой, потому что у вас с Ленкой было кое-что общее, – повернулась к нему Ирка. – Много общего! Лет на двадцать ваше общее могло потянуть.

Я покивала и мелко перекрестилась: в прошлый раз и меня, и Архипова подозревали в совершении двойного убийства. Пришлось объединенными силами искать настоящего преступника.

– В общем, давайте как-то сами, нас и так уже трое, борьба за почетное звание Шерлока внутри команды все напряженнее, – постановила подруга. – К тому же с четвертым человеком станет совсем сложно составлять общее расписание, поскольку кое-кто из нас очень некстати устроился на работу!

– Я больше так не буду, – пообещала я.

– Да куда уж больше! У тебя уже сколько работ, я сбилась со счета? Ты у нас писатель – раз, журналист – два, книжный редактор – три, раб университета – четыре! – Ирка рассердилась. – Как теперь на детективное расследование время выкраивать будешь, а?

Я покаянно вздохнула и потупилась.

– Ладно, – сжалилась подруга. – Как-нибудь справимся, не впервой. Хорошо хоть, я на этот раз в Питер на своей машине приехала, не придется снова транспорт для переездов искать... Поехали, что ли, по домам? Тебя домой отвезти или ты на метро? – Она встала.

Архипов тоже вскочил и побежал к стойке администратора – расплачиваться. Можно было не сомневаться, что он тщательно проверит и перепроверит счет. Не исключено, что и скидку выбьет.

– Я сама быстрее доберусь, да и зачем вам такой крюк делать.

– Тогда до завтра. Я тебе позвоню.

Мы вышли из ресторана. Ирка с Вадиком пошли к машине, а я нырнула в метро.

У меня было ощущение, что я легко отделалась. Сидеть в клубах табачного дыма из раскопчегаренной трубки, пилить на скрипке и строить версии не пришлось.

Впрочем, ощущение, что это все еще впереди, у меня тоже было.

Глава четвертая

– Доброе утро, Елена! – Охранник на КПП поздоровался со мной первым.

Стало приятно. Всего третий день работаю, а уже не сливаюсь с безликой толпой.

– Здравствуй, Василий! – Для долгой беседы времени не было: я снова опаздывала.

Попробуй не опоздай, если работа начинается в девять, а путь до нее занимает полтора часа! А еще ведь надо собраться, привести себя в приличный вид – не бежать же на линию трудового фронта в пижаме и тапках. Вот и получается, что проснуться нужно не позже половины седьмого утра, а лучше в шесть.

Издательство какое-то.

И, самое обидное, это я его себе устроила!

Не хотелось в этом признаваться (особенно Ирке), но червячок сомнения относительно нашей – моей с работой – совместимости, зародившийся в первый день, к третьему вырос до средних размеров амазонской анаконды.

Да и во внешнем мире позитива заметно поубавилось. Рядом с плазменными экранами, по-прежнему представляющими парадные виды Санкт-Петербурга, появился плакат в черной рамке. Крупно напечатанное слово «Скорбим...» и две гвоздички в вазе на полу не позволяли ошибиться в трактовке ситуации. Чей-то трудовой путь уже закончился вместе с жизнью.

Я наскоро скроила подходящую печальную мину и пробежала бы мимо, но узнала лицо на плакате. Такая знакомая ухоженная бородка... И, кажется, тот же самый прекрасный пиджак... В воздухе даже будто повеяло мужским парфюмом с нотками ветивера и мускуса.

«Не зря Минздрав предупреждает! – ахнул мой внутренний голос. – Докурился красавец!»

– Степан Степанович Чижняк, – прочитала я под портретом.

Датой смерти значился вчерашний день. По моей спине пробежали мурашки. Надеюсь, не я была последней, кто видел Степана Степановича живым?

– Такой молодой, красивый, полный сил мужчина, – с искренним сожалением произнес у меня под ухом женский голос. – Ему жениться надо было, а не умирать! Какая злая судьба.

Я повернула голову и внимательно посмотрела на невысокую пухлую даму. Та поправила локон у виска, и я отметила отсутствие на ее правой руке обручального кольца. Что ж, понятно сожаление об уходе потенциального жениха.

– Вы его знали? – Я кивнула на портрет.

– Степочку-то? – Дама глубоко вздохнула. пышная грудь выпятилась, приблизив ко мне бейдж. «Петрова Анна Егоровна» – прочитала я. Должность уверенно не разобрала – грудь опять опустилась, – но, кажется, завкафедрой культурологии. – Он уже второй раз был нашим приглашенным лектором.

«Был бы и в третий, – поняла я. – А мог и более интересное предложение получить».

– Успел ли выступить? – спросила я, подумав, что в таком случае имею возможность познакомиться хотя бы с трудами покойного.

Лекции мы с коллегами тоже редактируем. Эта работа считается даже более сложной, чем правка докладов, и оплачивается по повышенной ставке.

– Да, вчера отчитал, ответил на вопросы слушателей и сразу убежал, даже чаю на кафедре выпить не захотел, – ответила Анна Егоровна и сокрушенно покачала головой. – И куда спешил, спрашивается? Получается, навстречу собственной смерти.

Это прозвучало очень значительно, я задумалась.

И без задержки озвучила свои сомнения и соображения Ирке, позвонив ей из ближайшей укромной ниши.

– То есть у нас уже второй погибший, – выслушав меня, сказала подруга и чем-то хлопнула. – И это только в одном университете. Определенно, надо разбираться с губительным влиянием звезды. А ты сидишь там с утра до вечера, и мы не можем приступить к расследованию!

– Приступайте без меня, – разрешила я. – Для начала пусть Архипов, наш гений интернет-поиска, нарочет инфу о втором погибшем. Степан Степанович Чижняк, тридцать восемь лет, ученый-культуролог.

– Ладно, – согласилась подруга и снова хлопнула.

– Ты завтракаешь?

– Нет! Ты что, в такое время? Десятый час, я давно позавтракала. Это Кружкин новый коктейль сочинил, мы его сейчас дегустируем.

– В такое время? Десятый час же! – повторила я, не скрывая возмущения.

Вот же... Ватсоны безответственные! Пьют с утра пораньше авторские коктейли! Без меня!

– А что не так? Не шампанское же лакаем, как аристократы и дегенераты, – не стеснялась подруга. – Ты лучше дай мне телефончик инициативной подруги покойной Верочки, как там ее?

– Юлия она. А зачем тебе ее телефончик?

– А затем. Пока ты будешь протирать штаны в универе, а Вадик – искать инфу о Чижняке, я побеседую с этой Юлей и побольше узнаю о ее подруге.

– А что ты ей скажешь? Как объяснишь, какое отношение имеешь к Верочке?

– Я объясню, что имею отношение к тебе! Ты моя лучшая подруга, а Верочка была ее лучшей подругой...

– Не нравится мне эта параллель, – проворчала я. – С учетом судьбы Верочки...

– Вот именно! Как раз с целью спасти нас всех от печальной участи Верочки я и хочу побеседовать с Юлей, что тут непонятного?

Спорить можно было до бесконечности, а мне давно следовало трудиться. Микробосс наверняка уже накручивал круги вокруг моего пустующего рабочего места, как акула или стервятник.

– Пришлю контакты Юли эсэмэской, – пообещала я. И, не выдержав, спросила обиженно: – Как коктейль?

– А ты знаешь, очень неплохой, – не уловила моего настроения обычно чуткая подруга. – Свежего клюквенного сока многовато, а так ничего, особенно с тетушкиной шарлоткой.

Они там еще и мою родную старушку спаивают! Предварительно коварно подговорив ее испечь им фирменную шарлотку!

Я окончательно разобиделась и оборвала разговор, не попрощавшись.

Рабочий день пошел своим чередом и более ничем интересным не отметился.

Ближе к концу дня позвонила тетя Ида.

– Быстро скажи, белый или красный? – торопливо и с ноткой досады в голосе спросила родная старушка. – Мы не смогли решить большинством, твой голос пятый – решающий.

– Вы там портвейн выбираете, что ли? – я не скрыла неодобрения.

Неправильно это – на восемьдесят шестом году вести такой разгульный образ жизни: утром коктейль, вечером портвейн. Вот спросят меня дети, внуки или правнуки тетушки из своих Америк: как там наша дорогая прародительница? И что я им скажу: напивается наш матриарх как сапожник в компании моей лучшей подруженьки?

– Имей в виду, Элен, я за белый! – послышался другой неюный голос.

О, я ошиблась: тетушка напивается в компании двух лучших подружек – моей и своей собственной!

– Добрый вечер, Марфа Ивановна, как поживаете? – вежливо приветствовала я мадам.

– Марфинька, не плутуй, пусть деточка сама решит! – донеслось из трубки.

– Мон шер, кто тут плутует? Не шельмой меня, Идочка!

В трубке слышались шорохи, голоса препеирающихся старушек сделались неразборчивыми. На их фоне отчетливо прозвучал баритон Архипова:

– Чтобы тебе было понятнее, с большим трудом решается вопрос о соусе к макаронам – в меню сегодняшнего ужина паста капеллини, – добросовестно объяснил неисправимый зануда. – Ты как, за белый или за красный?

– Только не говори, что после работы поедешь не к нам, а к себе! – Это уже Ирка выхватила у приятеля трубку. – Я приготовила ужин на всех и не собираюсь толстеть, поедая в ночи лишнюю порцию! Все, ты летишь на Петрагу, это не обсуждается! Быстро скажи: бешамель или болоньезе, и бегом на метро!

– Болоньезе, конечно, ты же знаешь мой вкус. – Я с облегчением выдохнула.

Нормально все, мадамы и примкнувшие к ним друзья ведут здоровый образ жизни. А мне не придется готовить ужин для себя и поесть его в гордом и отвратительном одиночестве, что вдвойне прекрасно.

За десять минут до окончания рабочего дня я попрощалась с коллегами (подчеркнуто вежливо – с Микробоссом, который тут же что-то записал в свой блокнотик с пасквилями). Ровно в 17:30 прошла через турникет на волю и уже через полчаса входила в старый дом на Петроградке.

Не с парадной – с черной лестницы. Тетушкина квартира образована путем соединения двух помещений – бывших комнат прислуги – на разных этажах. Этим обусловлено наличие в жилище очень колоритной и столь же крутой деревянной лестницы. Та комната, что наверху, именуется у нас светелкой, сейчас ее временно занимает Ирка. Тетушка в светелку поднимается редко, восхождение по головокружительно крутой лестнице для нее слишком опасно.

Вообще-то, оно для всех опасно. Единственный, кто никогда еще не падал с нее, – тетин питомец, кот Волька.

Кот и встретил меня в крошечной прихожей. Вскользь протер своей башкой мою коленку, сунулся мордой в сумку, ничего интересного в ней не учуял и одним могучим прыжком взлетел на середину лестницы – свой обычный наблюдательный пункт.

– Ну наконец-то! – Тетя Ида при моем появлении встрепенулась, как птичка на ветке, и в ушах ее тяжело качнулись крупные серьги с гладкими камнями, похожими на мармеладные конфеты. – Не звонили?

– Новые сережки? Конечно, с Блошки? – Я подошла обнять тетушку и присмотрелась к обновке. – Никак, родолиты?

– Ага, и ты попалась! Нет, детка, это кое-что получше – пиропы! – обрадовалась тетушка.

– Но и то, и другое – разновидность граната, – вставил знайка Архипов.

– Верно. – Тетя посмотрела на него с неудовольствием. Ей хотелось самой все рассказать. – Наш Борюсик научил меня, как отличать натуральные гранаты от подделки.

– И как же? – спросила я, чтобы доставить старушке удовольствие.

– О! Во-первых, надо посмотреть сквозь камень на дальний свет – появится множество отражений. А потом медленно поворачивать его вокруг своей оси под наклоном, при этом можно будет увидеть крошечные изображения радуг в каждом отражении. Это и покажет, что камень – настоящий гранат... Но ты не ответила, – спохватилась она. – Мальчики не звонили?

Мальчики – это наши с Иркой мужья и дети. Исключительно мужской компанией они отправились в тур, суровой прелестью которого мы с подругой не пленились, поэтому от путешествия отказались. Две недели плавать на каких-то лодках по каким-то озерам, спать в каких-то палатках на каких-то островах – нет, это не для милых дам. А вот нашим парням это времяпрепровождение очень нравится, о чем они сообщают то мне, то Ирке во время редких звонков: на их озерах и островах связь возникает эпизодически.

– Мне не звонили. – Я посмотрела на Ирку. – А тебе?

Она молча покачала головой, глядя в кастрюлю и помешивая ложкой ее содержимое.

– Я беспокоюсь. Говорят, этим летом в лесах очень много медведей и кабанов. – Тетушка крупно вздрогнула и красные мармеладки в ее ушах заблестели.

– Ну, за медведей я бы не беспокоилась, они за себя постоят, – рассудительно сказала Ирка и вынула ложку из кастрюли. – А вот вкусные кабаны – те да, в большой опасности. Кстати, Вадик, бекон готов?

– Давно готов! – Архипов, очень смешной в тетушкином фартуке с земляничками, отсалтовал большой двурогой вилкой.

– Садимся, – велела подруга.

– Марфинька, душечка, пожалуй к столу, – позвала тетя Ида.

Я огляделась и высмотрела в углу под фикусом кресло, заполненное ворохом пестрого шелка. Марфа Ивановна – бывшая актриса и большая модница.

– Я хотела соус бешамель, – трагическим голосом молвила нарядная старушка и хрустнула пальцами.

Вот, значит, кто пострадал от моего решения выбрать болоньезе.

– Ах, мон шер, кто, как не ты с твоим тонким вкусом, оценит гармонию: красный соус, красное вино, красные камни в серьгах! – попыталась подольститься к подруге тетя.

– Французские шефы, я посмотрел в Интернете, рекомендуют заменять соус бешамель жирными сливками или некислый сметаной, – дипломатично сообщил Архипов. – В холодильнике есть каймак, я посмотрел!

– А посмотрел ли ты то, что я просила? Информацию о Степане Чижняке? – спросила я его заговорщицким шепотом, пока Марфинька капризничала, позволяя тетушке и Ирке ее уговаривать.

Вадик покивал.

– Ладно, об этом позже. – Я села за стол.

За ужином сначала вели светскую беседу о погоде и красотах Петербурга. Потом Марфинька, сменившая гнев на милость после выдачи ей каймака, в лицах показывала, как тетя Ида беззастенчиво и безжалостно торговалась на Блошке за серьги с красными камнями, в которых сумела опознать гранаты-пиропы.

Архипов, еще плохо знающий мою тетушку и видящий в ней очаровательную интеллигентную грандмадам из «старых питерских», недоверчиво хлопал глазами, а я безоговорочно верила Марфиньке. Наша бабуля – божий одуванчик – высокий чин в отставке. Она руководила конструкторским бюро, где проектировали жутко секретные подводные лодки, с нее только несколько лет назад сняли подписку о невыезде. Так что уж кто-кто, а тетя Ида запросто может приложить кого-то очень несговорчивого и словом, и кулаком, и ракетами морского базирования. Торговец правильно сделал, что отдал ей пироповые серьги по цене родолитовых.

Потом, конечно же, заговорили о моей новой работе. Я была к этому готова и заранее выписала несколько смешных цитат из научных докладов, чтобы и тему затронуть, и без жалоб обойтись. Но Ирку интересовала интрига, и она в лоб спросила:

– Как Микробосс? Все лютует?

– Да, – ответила я кратко. Не хотелось развивать тему.

– Микробосс – это тот маленький человечек, не реализовавшийся в творчестве и личной жизни, о котором ты, Ирэн, нам рассказывала? – тут же уточнила тетина подруга у моей.

– Когда вы успели обсудить перипетии моей трудовой жизни? – не поняла я.

– За утренним коктейлем, – буднично ответила Ирка и повернулась к Марфиньке. – Да, это тот самый злобный гном.

– Злобные гномы – это цверги, – с готовностью подсказал наш знайка Архипов.

Я посмотрела на него с укором. Знайка намек не уловил и поднял брови:

– Разве не так? Я читал в Интернете.

Архипов управляет офисом какой-то продвинутой компьютерной компании в Саратове. Или в Самаре? Все время путаю. У него много свободного времени и безлимитный высокоскоростной Интернет, поэтому он у нас эрудит.

– И чего хочет от тебя мини-цверг? – спросила тетя.

– Да не цверг он! И не гном, просто невысокого роста. Как ты. – Я показала язык Архипову. – А хочет он меня контролировать.

– В смысле?! – Ирка нахмурилась.

Сама она очень любит контролировать всех родных и близких, но оставляет это право исключительно за собой.

– Нажаловался начальству, что он не может на меня положиться. Хотя я ни разу за всю свою жизнь не сорвала сроки сдачи работы.

– Что же ему тогда нужно? – Пока Ирка грозно сопела, явно готовясь взорваться гневной тирадой в адрес презренного Микробосса, нить беседы подхватила тетя.

– Ему нужно быть уверенным, что он в любой момент отправит мне суперсрочное задание, и я тут же примусь его выполнять.

– Но ты же выполняешь, – вмешался Архипов.

– А он не уверен! Помнишь, я говорила, что он хочет общаться по телефону? А я не хочу. В том-то и проблема.

– погоди. – Вадик с присущей ему дотошностью хотел разобраться. – А какие вообще могут быть суперсрочные задания в университетском издательстве? Оно же, я так понимаю, печатает доклады, лекции и тому подобное? Хм, мне создание научных трудов всегда представлялось делом обстоятельным и не терпящим суеты...

– Ну как же, а вдруг в тот университет по пути из Петергофа на остров Валаам заявится... ну, не знаю... Папа Римский или Далай-лама, к примеру! – шумно выдохнув, съязвила Ирка. – Будет ехать мимо и вдруг такой – а дай-ка я студентам лекцию прочитаю! И весь его кортеж внезапно – вжух на территорию вуза: а откройте-ка нам самую большую аудиторию, и далайламское выступление немедленно дайте в печать! И в универе, конечно, все в шоке, в панике, папаримскую лекцию редактировать надо, а Микробосс не может до тебя дозвониться!

– Ну, во-первых, уж эту лекцию и без меня отредактируют, у таких персон в аппарате специальные доверенные-проверенные люди имеются. Во-вторых, в подобной ситуации первыми на территорию вжухнут охранники с собаками, и ни о какой внезапности не будет речи... – Тут я замолчала, подумав, что с университетской бюрократией без предварительного звонка и процедуры оформления пропусков на въезд и вход в наш славный вуз и сам Папа не прорвется.

Я вдруг сообразила: не потому ли несчастная Верочка курила под стеночкой университетского КПП, что ей нужно было на территорию, а она не могла туда попасть?

Чуткая Ирка заметила паузу и изменившееся выражение моего лица, отодвинула пустую тарелку и сказала:

– Ой, засиделись мы за столом, а уже почти девять вечера, кое-кому пора бы и отдохнуть!

– Мне, – торопливо добавила я, чтобы тетя Ида и Марфинька не обиделись, приняв сказанное на свой счет.

Они мадамы деятельные и энергичные. Марфинька, правда, временами соображает на троих со склерозом и маразмом, но на ее склонности к авантюризму это никак не сказывается. Мадамам только намекни, что они старые кошелки, которым пора на покой! Такое шоу устроят – кабаре и цирк отдыхают.

– Да, поденная работа – это изматывает, – с большим знанием дела сказала Марфинька, которая никогда в жизни не обременяла себя систематической трудовой деятельностью.

– Ступай, детка, отдыхай, – отпустила меня тетушка.

Слегка пошатываясь, чтобы показать, как с ног валюсь от усталости, я поднялась в светелку. Ирка с Архиповым задержались, чтобы убрать со стола и вымыть посуду, потом пришли ко мне.

– А что у нас есть! – Ирка вытянула из-за пазухи плоскую бутылочку.

Вадик молча достал из карманов стопку.

– Тот самый коктейль, изобретение Кружкина. – Подруга разлила по емкостям густую жидкость цвета тетиных серег.

– Автора не позовем? – Я подняла стопку, поднесла к носу.

Темно-красная жидкость пахла клюквой, медом и чем-то еще – то ли мятой, то ли мелиссой.

– Автор уже улетел, – сообщил Архипов, устраиваясь за столом с видом на крышу за окном.

– Но обещал вернуться, – хихикнула Ирка.

– Дней через десять, – кивнул Вадик. – А до тех пор я могу квартировать в его мастерской. – Он дернул подбородком, указывая на потолок.

Художник Василий Кружкин живет этажом выше. Он не лишен таланта и недавно решительно вышел из рядов маргиналов, сделав шаг к международному признанию: написанный им под Новый год портрет дамы с елочными игрушками и котом взял приз на конкурсе в Италии. Туда-то Кружкин и полетел на вручение награды.

Поскольку даму он писал с Ирки, кота – с Вольки, а игрушки – с новогодних украшений, которые хранит на антресоли тетя Ида, успеху Василия мы радуемся как своему собственному. А некоторые из нас еще и извлекают из него конкретную выгоду.

– Бесплатно жить будешь? – уточнила я у Архипова.

– Совершенно! – Тот расплылся в улыбке.

– Ладно, это все хорошо, но давайте к делу. – Ирка постучала по столу стопкой, как судья молотком. – Вадик, ты первый.

– Рассказываю, что узнал. – Архипов сел ровно и распрямил плечи – приготовился докладывать. – Самое главное: Степан Степанович не местный – из Москвы. Точнее, он был петербуржцем, тут родился и учился, а потом уехал в нерезиновую преподавать в МГУ. В твой университет, – докладчик развернулся ко мне, – его пригласили с лекцией о феномене культуры отмены, это очень интересная и актуальная тема, я вам скажу, посмотрел в Интернете...

– Ближе к делу! – стукнула стопка-молоток.

– Хороший специалист был, подающий надежды ученый. В Интернете длинный список статей и монографий. В международных конференциях за границей участвовал, мог бы уже и преподавать где-то за рубежом, если бы не то, что сейчас происходит...

Я весело хрюкнула в ладошку, вспомнив Маргариту.

– Вот ты смеешься, – укорил меня докладчик, – а ведь был бы парень не здесь, остался бы жив.

– Не поняла, – вмешалась Ирка. – Смерть Степана Чижняка как-то связана с Питером?

– Именно так! – кивнул Архипов. – Наш Чижняк трагически погиб, упав с балкона на шестнадцатом этаже.

– Как будто в других городах нет многоэтажек, – пожал плечами подруга.

– Многоэтажки есть всюду, а вот белые ночи – чисто питерская тема. – Архипов разлил остатки ликера мейд-бай-Кружкин. – Объясняю. История трагикомическая. Степан Степанович ночью после трудового дня одиноко выпивал, сидя в кресле-качалке на открытом балконе. Ночь была ясная, а главное – белая, солнце висело над горизонтом, как приклеенное, и светило Степану Степановичу прямо в глаза. Он встал, чтобы задернуть шторы...

– Момент! Какие на открытом балконе шторы? – влезла Ирка.

– Специальные летние, – уверенно ответила я. – Совершенно необходимая вещь в наших широтах, особенно когда окна на запад. А если тебя техническая часть интересует, то мы, петербуржцы, делаем так: по периметру навеса, образованного балконом квартиры этажом выше, устанавливается штанга или обычная «струна»...

– Я бы попросил не перебивать! – Архипов повысил голос, и мы с Ирккой зашикали друг на друга. – Итак, Чижняк поднялся, чтобы задернуть штору, но та сорвалась с крокодильчиков – это такие зубастенькие металлические зажимы на кольцах – и в образовавшуюся дырку по-прежнему лупили солнечные лучи. Тогда нетрезвый Степан Степанович встал ногами на сиденье, чтобы прицепить полотнище как надо, а сидел он, напомним, на кресле-качалке... Дальше понятно, думаю?

– Одно неловкое движение – и полетел Степан Степанович за балкон? – предположила я.

– Вместе со шторой и парой крокодильчиков, – подтвердил рассказчик.

– И впрямь трагикомедия. – Ирка покрутила головой. – Это каким же надо было быть...

– Пьяным, – подсказал Архипов.

– ...чтобы встать ногами на качалку?! – закончила фразу подруга. И тут же задала другой вопрос: – А с чего он так напился, да еще в одиночестве?

– Был повод, – заверил ее Архипов. – Он потерял невесту.

– Сбежала? – предположила я.

Сама я точно не стала бы связываться с интеллигентом, рафинированным до чистого, незамутненного идиота. Влез ногами на качалку – каково?! Неужто думал, что гуманитариям законы физики не писаны?

Но Вадик мою версию опроверг:

– Не сбежала. Хуже! Умерла. И тоже как-то внезапно, но подробностей я не знаю. Имя его невесты в новостях не упоминается, так что пробить ее я не мог.

– Позвольте! – разбуженным медведем заворочалась Ирка. – Так это у нас уже, получается, третий труп!

– Не торопись накручивать счет, – остановила я ее. – По поводу смерти невесты мы толком ничего не знаем, может, она уже давно умерла.

– В новостях писали – внезапно, – возразил Архипов.

– Внезапно – это значит вдруг, неожиданно и быстро, скоропостижно. – Во мне проснулся филолог. – О давности события это слово ничего не говорит. Она могла внезапно умереть пять лет назад, например.

– Не стал бы он так долго ее оплакивать, – заявила Ирка. – Красивый молодой мужик...

– А если именно вчера была какая-то особая дата? День ее смерти, например, или их первой встречи? Надо побольше узнать об этой мертвой невесте, – решила я и задумалась. – Кого бы только спросить?

– Полиция наверняка что-то знает, – простодушно подсказал Архипов. – В новостях писали, у них две версии: несчастный случай и самоубийство, типа, с горя. Как раз в связи со смертью невесты, как я понял.

– Теперь я расскажу, – вступила Ирка. – Хотя особо и нечего. Я позвонила Юле, но она отказалась со мной разговаривать. Даже объяснить не успела, кто я такая и почему звоню. Она не стала слушать, сразу заявила: «Не до вас сейчас». А чем таким важным занята, не сказала.

– Мало ли, может, девушка за рулем была. Или в каком-то рабочем процессе, – рассудил Архипов. – Нужно с ней все-таки поговорить.

– Я потом еще дважды звонила, вы же меня знаете, я настойчивая. – Ирка закусила губу. – Но у нее телефон был отключен. Видать, не хочет, чтоб ее беспокоили.

– Значит, поговорим не по телефону, – постановила я. – Вадик, твои парни смогут найти адрес абонента?

– Телефонные мошенники и не такую инфу добывают, чем мои парни хуже? Все найдут, если захотят. Но вы же понимаете, это не вполне законно, – заюлил Архипов.

– Найдешь рычаги? Или надо денег дать? – прямо спросила Ирка.

Она у нас обычно главный спонсор проектов.

– Чего сразу деньгами раскидываться, – Вадик парень прижимистый, – сначала попробую лезть и уговоры.

– Договорились. – Я встала из-за стола и потянулась. – Давайте на этом закончим, я и впрямь устала после работы.

Архипов ушел к себе, точнее, к Кружкину, а мы с Иркой стали готовиться ко сну.

Какая-то мысль беспокойно, как мышь в углу, шуршала у меня в голове, но ловить и рассматривать ее у меня не было сил.

Завтра, завтра, не сегодня – как говорят лентяи и Скарлетт О’Хара.

Глава пятая

В свой четвертый рабочий день я явилась в университет не просто вовремя – с получасовым запасом времени: с Петроградской стороны добралась куда быстрее, чем из Мурино.

Траурный плакат с портретом Чижняка из холла уже убрали, печальные гвоздички тоже. О приглашенном внештатном лекторе в университете скорбели недолго.

Немного подумав, я нашла на поэтажном плане здания кафедру культурологии и отправилась туда, чтобы узнать, когда и где состоятся похороны Степана Степановича. Никакие поиски в Интернете не заменят роскоши человеческого общения, а на траурной церемонии можно будет встретить родных и близких усопшего. У них можно разузнать о внезапно скончавшейся невесте.

На двери кафедры висело объявление: «Ключ в каб. 320. По всем вопросам обращаться в каб. 340».

– По всем *остальным* вопросам, – машинально отредактировала я короткий текст.

Ключ мне был не нужен, сам по себе кабинет тоже не интересовал. Хотелось пообщаться с кем-то из его обитателей, поэтому я пошла напрямик в триста сороковой.

Там было тесно и пахло старой бумагой. Почти все пространство занимали столы разной степени прибранности и шкафы, содержимого которых я не смогла увидеть, так как дверцы не были стеклянными. За заваленным книжками и папками столом в дальнем углу обнаружилась тощенькая испуганная женщина, похожая на птичку. При моем появлении она чуть не выронила надкусанное печенье и закашлялась, поперхнувшись чаем: явно не ждала гостей.

– Прошу прощения, я на секундочку с вопросом: не подскажете, когда и где будет прощание со Степаном Степановичем Чижняком? – в меру печально поинтересовалась я, сунув голову в кабинет.

Вся целиком внедраться не стала, чтобы дополнительно не нервировать пугливую женщину.

– Чижняк, Чижняк. – Вернув на блюдце печенье, хозяйка кабинета потеряла лоб.

– Приглашенный лектор из МГУ, он позавчера скоростно скончался, – подсказала я.

– У нас?! – испугалась женщина и зачиркала взглядом по захлапленному кабинету, словно предполагая найти того, с кем предстояло проститься, в одном из шкафов.

– Не в университете, где-то в городе, – успокоила я. – Так вы не в курсе насчет похорон?

– Я – нет. – Женщина помотала головой, отчего ее гладкая прическа растрепалась. – Но сейчас узнаю и... – Она схватилась за круглобокий телефон на столе.

«Дисковый, – умилилась я. – Надо же, не думала, что где-то еще используют такие винтажные аппараты. Похоже, передовые идеи и технологии дальше парадных помещений славного вуза не распространились».

– Не отвечает, – с нахмуренными бровками послушав гудки в трубке, сказала женщина. – Но вам же это не срочно?

– Не думаю, что погребение проведут с неприличной поспешностью, – согласилась я. – Степан Степанович умер позавчера, наверное, хоронить будут завтра-послезавтра...

– До этого времени я вам обязательно сообщу! – пообещала хозяйка кабинета. – Оставьте телефон, пожалуйста.

Я написала на бумажке свой номер, еще раз извинилась за беспокойство и пошла к себе. Пора было приниматься за работу. Докладчики прислали на предстоящие научные чтения столько своих трудов, что литературным редакторам впору было работать круглосуточно, в три смены. Микробосс повелел нам презреть нормативы и ускориться.

Мы презрели, ускорились, и до конца дня я трудилась, не поднимая головы, даже забыла пообедать. К счастью, заботливая тетушка с утра накормила меня плотным завтраком, а луч-

шая подруга выразила желание угостить ужином и подхватила меня за турникетом сразу после окончания рабочего дня.

– Куда едем? – спросила я, быстро нырнув на заднее сиденье.

На переднем пассажирском уже расположился Архипов. На коленях у него помещался большой бумажный пакет, источающий аппетитные ароматы.

– И что это так вкусно пахнет?

– Сегодня у нас ужин на траве, – следя за дорогой, ответила Ирка, частично ответив на оба прозвучавших вопроса.

– А трава в парке, а парк на Московском, – объяснил зануда Архипов. – А вкусный запах – из пакета, в котором еда из грузинского ресторанчика, он называется «Фасол-мосол» и находится почти на пересечении улиц...

– Не надо лишних подробностей, – попросила я и помассировала виски.

Ирка глянула на меня в зеркало заднего вида, укоризненно цокнула, но промолчала.

Минут через десять мы уже шагали по парку, высматривая подходящее местечко для пикника.

В парке было хорошо. Гораздо лучше, чем в пыльных захламленных кабинетах! Цвела сирень – не кусты, а целые деревья, – на клумбах пестрели тюльпаны.

Любуясь ими, я подумала, что северное лето рвет мои шаблоны: для южного человека тюльпаны – весенняя тема, их пора – март-апрель, а в Питере они цветут в июне и стоят удивительно долго. На Кубани едва нальются красками – и сразу разваливаются, будто из каждого тюльпана рвется на волю энергичная Дюймовочка. Должно быть, в культурной столице цветочные феи особо деликатные и не разваливают лепестки энергичными пинками.

В Питере вообще не принято фонтанировать эмоциями, и нужно быть очень, очень странным, чтобы привлечь к себе внимание. Полуметровый красный ирокез на голове – не повод тарачиться. Лежбище нудистов за символическими кустиками в парке – тоже.

– Ой, может, здесь расположимся? – Архипов не петербуржец, поэтому отреагировал на розовые тела на зеленой травке.

Я невозмутимо прошла мимо, сделав зарубочку на память: в старом парке есть и тенистые аллеи, и удобные лавочки, и статуи с фонтанами, и пруды с лодочками, и нудистский солярий.

– Не вижу ничего особенно интересного! – громко прокомментировала Ирка, тоже не самый культурный гость города.

Розового на зеленом стало меньше – за кустиками подругу услышали, и кое-кто из загорающих стыдливо прикрылся полотенцем.

– Давайте там, – предложила я, указав на зеленый бережок пруда. – И мы никому не помешаем, и нас никто не побеспокоит.

Мы удобно расположились на травке. Убедившись, что все наполнили тарелки, Ирка завела беседу. И опять о моей работе, конечно же!

– Вижу, ты устала. Что у тебя сегодня было?

– Сплошь доклады. – Я укусила ножку вкусного цыпленка табака, надеясь, что подруга удовлетворится коротким ответом.

Но она, разумеется, не удовлетворилась.

– И все одинаково плохие?

– Почему одинаково? По-разному плохие. – Я села удобнее. – Есть такие докладчики, которые скрывают отсутствие свежих мыслей и научной новизны за нагромождением сложных конструкций и терминов. И вместо, скажем, простого и понятного «Мама мыла раму» пишут: «Родитель женского пола осуществлял удаление грязи и пыли с несущей конструкции для оконных элементов».

Ирка хихикнула.

– А есть такие, которые слишком креативны и не довольствуются имеющимися в их распоряжении словами, придумывая свои собственные.

– Какие, например?

– Например, «еврализм» или «хомериканус».

– Это что еще за звери?!

– Еврализм – это, как выяснилось, европейский либерализм. А хомериканус – Хомо Американус, человек нового типа – продукт западной цивилизации.

– А я, кажется, поняла принцип: надо склеить куски двух слов. Инопланетная цивилизация – инолизация, дедуктивное мышление – дедушление...

– «Дедушление» отчетливо пахнет нафталином, – поморщилась я.

– Так и мы с тобой уже не молоды, душечка. – Подруга добавила в голос деревянного скрипа и похлопала меня по руке – между прочим, не морщинистой и пока еще без всяких пигментных пятен. – Шерлок Холмс-то до нашего возраста не дожил, погиб в тридцать семь.

– А комиссар Мегре и в пятьдесят еще был как огурчик! А мисс Марпл до пенсии даже не думала о частном сыске! А «душечку» ты слямзила у тети Иды, но ей же под девяносто, и она нам в бабушки годится!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.